

ДИНО БУЦЦАТИ

ЛЮБОВЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Б94

Серия «Эксклюзивная классика»

Dino Buzzati
UN AMORE

Перевод с итальянского *Ф. Эйнгорн*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается по соглашению с The Italian Literary Agency
и международным литературным агентством Elkost.

Буццати, Дино.

Б94 Любовь : [роман] / Дино Буццати ; [перевод с итальянского Ф. Эйнгорн]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-164293-8

Антонио Дориго — архитектор из Милана средних лет, который достиг успеха в карьере, но потерпел неудачу в любви. На протяжении многих лет Антонио, испытывая страх перед женщинами, предпочитал платить за любовь. Однажды в борделе он знакомится с молодой танцовщицей по имени Лаида и безнадежно влюбляется. Девушка дразнит, использует и унижает мужчину, а Антонио ради нее готов на все. К чему приведет эта одержимость?

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-164293-8

© Dino Buzzati Estate
© Перевод. Ф. Эйнгорн, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

Глава 1

Февральским утром 1960 года в Милане архитектор Антонио Дориго, умудренный жизнью мужчина сорока девяти лет, позвонил синьоре Эрмелине.

— Это Тонино, — назвал он свое «кодовое имя». —
Доброе утро, синьо...

— Ну и ну! Давно вас не слышала. Как поживаете?

— Прекрасно, спасибо. Я был ужасно занят, вот почему я... Послушайте, а можно ли зайти сегодня днем?

— Сегодня днем? Сейчас посмотрю. Во сколько?

— О, не знаю. Около трех, трех тридцати.

— В три тридцать будет хорошо.

— Кстати, синьора...

— Да?

— В прошлый раз, если помните... Ну, тот материал, честно говоря, был не совсем тем, что я хотел. Я бы хотел...

— Я знаю. К сожалению, иногда я сама...

— Что-нибудь более современное, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю. На самом деле хорошо, что вы позвонили сегодня утром, есть у меня на примете кое-что абсолютно замечательное. Гарантирую, разочарование вам даже не светит.

- Темную ткань, желательню.
- Темную, темную, темную. Я-то ваши предпочтения знаю, синьор.
- Тогда до встречи. И спасибо.

Он положил трубку. Он был один в кабинете; Гаэтано Марони, его компаньон, что пользовался соседней комнатой, ушел в то утро.

Это было обычное утро обычного дня. Работа шла хорошо. Из большого окна на восьмом этаже он видел здание напротив — современное здание, как и все здания вокруг, как и здание, где находился Дориго. Достаточно приятное, хоть и стоящее на Виа Московя — в сердце огромного конгломерата кооперативов, раздробленного при помощи зеленых аллей на *парковые* и *парковочные* зоны.

Это был один из тех серых миланских дней, когда не идет дождь, но небо какое-то нечитаемое; нельзя сказать наверняка, облака это или просто дымка, навязчиво скрывающая сияние солнца, — простой смог родом из котельных, из вентиляционных ходов мазутных печей, из чадающих труб нефтепромышленных заводов Колоради, из-под ревуших грузовых фур, из сточных канав, из куч мусора, вываленных напрямик в промышленные пригороды, из трахей миллионов и миллионов — неужели их так много? — людей, познающих цемент, асфальт и страсть вокруг него.

Он закурил третью сигарету. Без четверти одиннадцать («*Это Тонино. Доброе утро, синьор...*» — «*Ну и ну! Давно вас не слышала...*»). Электрические часы на дальней стене, предоставленные кооперативом, показывали время; порой из комнатки по соседству, где синьорина Мария Торри держала включенным радиоприемник, несся тон-

кий скрипичный звук. Маленький японский транзистор, будь то на ее столе, в ее сумке или на коленях, никогда не выключался, даже во время совещаний, и у Дориго не хватало смелости наложить на него вето. Он и сам не отказался бы от такого. Он даже купил один на черном рынке, маленький карманный приемник, за десять тысяч лир — в магазинах в центре города они продавались за двадцать четыре, двадцать пять тысяч, — но всего через пару дней Джорджина выманила его. Не то чтобы Джорджина его очень возбуждала, но они знали друг друга давно; он столкнулся с ней под аркадами Корсо, а из кармана его пальто доносился один из тех маленьких венских вальсов, какие он терпеть не мог, но из-за чистой лени не смог выключить, и она сказала: «О, дай посмотреть, какой милый, ты мне его подаришь?» В конце концов, что ему этот маленький радиоприемник?

Он закурил четвертую сигарету. Есть кое-какие делишки, их бы закончить... Да, правда, желания никакого нет. В любом случае спешить некуда. Если подбить все к субботе, будет замечательно, а сегодня еще только вторник. Когда в нем просыпался аппетит к плотским утехам, работа становилась сущей мукой. Дориго был мужчина не из легковозбудимых, не какой-то там тестостероновый альфонс; но время от времени, внезапно, без какой-либо очевидной причины, его воображение начинало работать... и тогда весь поток его мыслей уходил в известном направлении.

Как только свидание было назначено, все его тело начинало томительно *ждать*; это было болезненно, но в то же время восхитительно — трудно объяснить почему. Из тела изливалась горячая энергия — будто кровь из

жертвы на алтаре; каждый его орган чувствовал этот *выброс* и стремился откликнуться сообразно возможностям. Заряд огромной силы пробуждался в нем — причем отнюдь не животный, не слепой; напротив, очень поэтический, полный темных изысканных непристойностей.

В такие моменты Дориго заходил так далеко, что забывал о своем собственном лице — его он всегда ненавидел, всегда считал отвратительным, — и обманывал себя, полагая, что он может быть даже привлекательным.

В то же время ожидание женщины («*Это Тонино. Доброе утро, синьо...*» — «*Ну и ну! Давно не слышала...*») отнимало у него всю уверенность в себе, которой у него было не занимать в работе. В присутствии женщины он больше не был почти знаменитым художником, известным во всем мире, умным сценографом, объектом всеохватной зависти и не менее всеохватного обожания. Он сам всегда удивлялся, что мужчины так легко располагаются к нему, но с женщинами все было по-другому. С ними он превращался в ничтожество, и довольно-таки неприятное. Он видел это тысячу раз; женщины были запуганы им, и чем больше он пытался казаться легкомысленным и остроумным, тем хуже становилось; женщина продолжала смотреть на него так, словно была сбита с толку им; может быть, даже *напугана*. Чтобы восстановить свою личность и снова казаться естественным, ему нужны были близость и доверие; но на это уходило много времени. Так что первые встречи всегда были нерешительными и трудными. Он завидовал Марони — тот несколькими словами располагал женщин к себе. Иногда он даже ненавидел Марони — его собственные любимые шутки никогда не

действовали на женщин. Он хорошо это знал. Вместо того чтобы смеяться, дамы становились беспокойны, затем смущены, а затем решали, что он издевается над ними, хочет их оскорбить. Его немного утешала мысль о том, что в конечном счете его истинное качество почти всегда спасало его, позволяло казаться почти приятной фигурой... в известном смысле, симпатичной. Но женщины интуитивно выявляли — и часто не любили — его интеллектуальное превосходство, замкнуто-гордое, мешавшее открыто и разумно отдаваться им, как ему хотелось бы. Он не бросался без оглядки, как ребенок, в темный и непроглядный омут — он опускался туда в батискафе, весь с ног до головы закованный в герметичную броню водолаза.

Кого, интересно, синьора Эрмелина достанет ему сегодня днем? Он старался не настраиваться слишком оптимистично; ужасно трудное дело — попасть в нужный тип. Но у синьоры Эрмелины всегда, слава богу, есть новые девушки. Молодые. Это подчас единственное их достоинство, но и этого с лихвой хватает.

«И, в конце концов, — подумал он, — если бы Эрмелина уговорила Бритту прийти, это было бы не так уж и плохо». Он не занимался любовью с Бриттой уже несколько месяцев. Бритта не отличалась сентиментальностью, но в постели открывалась ему с самой выгодной стороны. Она была светловолосой, с твердым, гладким, гибким телом (ни волоска на нем, даже в промежности). Он обычно не любил блондинок, даже фальшивых, но Бритта была скроена так же хорошо, как молодой тюлень. Она поднимала руки — и ее подмышки казались распутившимися цветами, розовыми, гладкими, теплыми,

влажными, без теней, слегка набухающими... потому что такова молодость.

Дориго метнул взгляд на свой стол. На нем — куча книг, папок, бумаг. Воплощения его постылой работы.

Дориго работал в центре города; в этот час над ним, под ним, вокруг него, в том же самом здании работали такие же, как он, мужчины; они работали в здании напротив и в очень старом доме на Виа Фоппа, лишь мельком различимом сквозь просвет в зданиях. И за ним тоже работали, в зданиях, недоступных его взгляду, все дальше и дальше, за завесой смога... долгие мили рабочей силы! Бумаги, бухгалтерские книги, бланки, телефоны, квитанции, руки, полные ручек, циркулей, карандашей, усердно работающие над розеткой, винтом, суммой, шестерней, пайкой, выпиской со счета, проявкой пленки: бесконечное множество безумных муравьев, занятых устройством собственного благополучия; но их мысли — о, он должен был смеяться — повсюду, на протяжении всех этих миль, мысли, подобные его, одновременно непристойные и изысканные, вызванные таинственным голосом, призывающим к сохранению вида, преобразенные в странные, распалаяющие кровь пороки... они *есть*, эти мысли — и почему никто никогда не заявит об этом смело, в открытую? Мысли о *ней*, извечно — о *Ней*, о конкретных губах, о рельефе напряженных мышц (*помнишь, как выглядит это со стороны?*) — мягких и текучих в минуты неги, вычерчивающих контур, ни на какой иной не похожий; мысли о складочках кожи, о выпуклостях и впадинах, о ее тепле и влаге, о капитуляции, о спуске в горячую бездну. Разве о таком кто-то пишет в газетах? Нет, на первых полосах — непримиримость Советов,

парламентский запрос насчет автономии Альто-Адидже, горячие заявления Пьетро Ненни о независимости политики социалистической партии, пожар в кинотеатре «Фьямма»; назрел кризис в сицилийской региональной джунте¹... Какое-то безумие. Курам на смех.

Он закурил пятую сигарету. Он встал, чувствуя то особое волнение человека, по природе своей одновременно опасливого и решительного («*Это Тонино. Доброе утро, синьо...*» — «*Ну и ну! Давно не слышала...*»). Но он был здоров, ни одна часть его тела не беспокоила его: он чувствовал себя совершенно спокойным, сильным и безмятежным. Это было, по сути, самое обыкновенное утро — одно из множества. И пускай за окнами небо все еще хранило монолитную серость — плевать; он, Дориго, *уже* чувствовал себя хорошо.

Ближайшие несколько часов не тяготили его, и грядущие дни — да и перспективы будущего *в целом* — не сулили никаких бед. Телефон деликатно молчал. Значит, дела идут хорошо. Дориго чувствовал себя спокойно. На нем были: серый костюм, белая рубашка, однотонный красно-малиновый галстук, красные носки, черные туфли, как будто...

Как будто все должно и впредь идти так, как оно шло до сих пор, до этого отдельно взятого февральского дня (вторника; девятое число). Все безопасно и благоприятно для буржуа в расцвете сил — умного, богатого, успешного, *развращенного*.

¹ Джунта (*итал.* giunta) — исполнительный орган в Италии. На общегосударственном уровне джунты формируются в палатах парламента по тематическому принципу и решают вопросы, например, о регламенте, выборах, депутатской неприкосновенности и т.п. — *Здесь и далее прим. пер.*

Глава 2

Синьора Эрмелина жила на шестом этаже просторного дома недалеко от площади Миссори. Лифт в этом доме был устроен так, что двери кабины разъезжались сами по себе, автоматически, — но могли и своевольно схлопнуться перед самым носом. Как-то раз Дориго нечаянно замешкался между створками — и на секунду испугался даже, что его раздавит, точно орех. И это при том, что нажим на него был оказан, честь по чести, не особо сильный.

Таблички с именем на двери сеньоры не висело. Протяженный коридор — пол весь выстлан мраморными плитами — пустовал. Но ошибиться дверью он не сумел бы. Ведь именно на *этой* двери, в отличие от *всех* остальных, табличка отсутствовала.

В подобные минуты его неизменно охватывало смутное нетерпение, практически волнение. Какая девушка ему достанется на этот раз? Разрушить тонкое очарование подобных встреч не составляло никакого труда, и Дориго это прекрасно знал. Что за удовольствие — поймать женщину, когда знаешь, что она отдается тебе за деньги? Ну сугубо физическое, конечно... но оно, как известно исстари, быстротечно и очень ненадежно.

И все же было удовлетворение. И немалое. Почти невероятное. И не от физических действий, какими бы изысканными они ни оказались. Нет, именно все то, что им предшествовало, и делало опыт таким потрясающим.

Синьора Эрмелина сразу открыла дверь. Она была родом из провинции Эмилия — сердечная, добродушная, все еще красивая женщина, «соседского» типа,

без всякой двусмысленности во внешних проявлениях. Послушав ее, можно было подумать, что она играет роль хозяйки борделя исключительно для того, чтобы помочь бедным девушкам скоренько поправить финансовое положение.

Он едва успел войти, как она прошептала ему — обычным тоном соучастницы:

— Вы увидите, что это за штучка, еще немного — и сами увидите. — Потом Эрмелина понизила голос еще на пару октав. — Юное создание, скажу я вам! Иной — так заявит, что *предосудительно* юное. Балерина! Маленькая милая танцовщица из «Ла Скала». — С этими словами она ввела его в гостиную.

«Замечательный феномен — продажа тела, — подумал Дориго. — Это, конечно же, бизнес, и он жесток — много жизней разрушил. И все-таки — феномен. Замечательный феномен, поистине — перл. Трудно поверить, что он все еще может существовать в регламентированном, унылом мире сегодняшнего дня. Двадцать тысяч лир, и твои мужские амбиции удовлетворены — и никакой магии не требуется. Двадцать тысяч лир — а зачастую и за меньшее вложение, — ты можешь получить, сразу и без каких-либо трудностей и опасностей, потрясающе выглядящую девушку — хоть бы даже и не одну! — вероятно, стоившую бы тебе в обычных условиях много времени, хлопот и денег. Таковую, что в решающий момент и от ворот поворот дать может. А здесь все, что требуется, — один телефонный звонок, небольшая автомобильная поездка, лифт на шестой этаж... и вот уже твоя готовая на все нимфетка с улыбкой снимает с себя бюстгальтер».

Было ли это неправильно? Дориго не был лишен моральных принципов, но как бы часто и как бы долго он об этом ни думал, он не мог указать на минусы. «Если бы все поступали так, как я, — спросил он себя, — было бы лучше или хуже?»

Нет, он *действительно* не видел в этом вреда.

И все же в этом было что-то злое. Возможно, проституция привлекала его именно своей жестокой и постыдной абсурдностью. Из-за того, какое у него было детство, женщины всегда казались ему чужими существами; он никогда не мог дать женщине той уверенности, какую давал своим друзьям. Для него она всегда была существом из другого мира, высшим и непредсказуемым. То, что восемнадцатилетняя девушка, чтобы получить пятнадцать тысяч лир, ложится в постель с абсолютно незнакомым ей мужчиной, без каких-либо прелюдий, и позволяет ему наслаждаться каждой частью своего тела — даже входя в эту игру сама, с теплотой более-менее реальной, достоверной... это казалось Дориго делом, достойным недоверия и отвращения. Как будто во всей этой идее было что-то ошибочное.

И все же из этой горькой, даже болезненной мысли, этой неспособности принять ситуацию такой, какая она есть, рождалось *желание*. Респектабельная женщина, ложась с ним в постель бескорыстно, из любви, доставила бы ему гораздо меньше удовольствия.

Садизм? Извращенное наслаждение от наблюдения за тем, как что-то молодое, чистое, красивое рабски потакает самым унижительным притязаниям? Сама девушка по вызову, конечно, не подозревает, что есть какие-то муки унижения — напротив, она играет, шутит, сме-

ется, — но в то же время в глубине ее души что-то корчится, бунтует и чувствует себя плохо. Тем не менее она хихикает, прибегает к маленьким изведенным хитростям, запрокидывает головку, томно прикрывает глаза и слегка приоткрывает губы; когда в нее входят, она стонет так, как будто, черт побери, в рай живьем попала.

Разве не унизительно?..

Возможно, главной мотивацией его отношения к делу было неизгладимое пятно, оставленное воспитанием — строго католическим, строго выступавшим против всех чувственных актов. Между ним и женщинами всегда стоял барьер — они выступали для него чем-то запретным, а плотский акт своего рода мифом. Отсюда возникла вера в то, что для женщины лечь в постель с мужчиной — событие огромной важности; даже если секс и длится всего несколько минут, это каким-то образом бросает тень на все ее бытие. И тут же его знание о том, что тысячи женщин готовы за скромную сумму на близость с незнакомыми мужчинами. И его богатый собственный опыт общения с такими женщинами на протяжении более двадцати лет не помог искоренить эту веру. Каждый раз, когда проститутка раздевалась и стояла обнаженной перед ним, Дориго это казалось невероятным, потрясным, чем-то, что могло произойти только в сказке.

Вот почему, всякий раз, когда он приходил на встречу в дом какой-нибудь хозяйки (и то же самое случалось с ним, когда еще были открыты публичные дома), он не удивился бы, если бы ему сказали: «Ты что, с ума сошел? Что на тебя нашло? Ты думаешь, девушку можно получить, просто заплатив за нее? Наверное, ты думаешь, что эпоха царствования Гелиогабала еще не завершилась, ха!»

И все же каждый раз вместо этого происходило чудо. Великолепная девушка — не всегда, к сожалению, *однозначно* великолепная, но у синьоры Эрмелины весь товар отличался крайне высоким качеством, — потрясающее создание, притягивающее на улице восхищенные взгляды мужчин, раздевалась прямо перед ним через десять минут после знакомства и позволяла ему обнимать ее, обладать ею, наслаждаться каждой частью ее тела. И все — за жалкие двадцать тысяч лир.

В такие моменты он задавался вопросом: что она чувствует.

Отвращение? Покорность? Чувство унижения?

Судя по их поведению, ничего подобного. Девушки вели себя так, как будто то, что они делали, было самым легким и естественным делом в мире. Иногда, правда, они не утруждали себя тем, чтобы скрыть свое желание покончить с этим как можно скорее. Но даже и так они мало походили на жертв или подневольных.

Таких девушек было так много — самого разного происхождения, образования и социального положения, — что вполне законно было предположить: торговля собой — деятельность, нормальная для всех женщин, за исключением определенных условий, когда из-за какой-то жесткой и неестественно насажденной дисциплины этому инстинктивному влечению противодействовали и препятствовали. Но даже под гнетом оно, как полагал Дориго, никуда не девалось, готовое снова проснуться, если судьба предоставит шанс.

Девушка, маленькая милая танцовщица из «Ла Скала», уже ждала его в гостиной.

Глава 3

В так называемой гостиной в углу царствовал диван (угловой, на две стенки). Еще там были круглый стол, второй диван (одинарный), буфет и стенной шкаф. Так называемая современная мебель, шведский стиль, довольно простая, задающая всей комнате аккуратный, строгий, чистый тон. Более удивительным было присутствие на стенах двух больших репродукций старшего Брейгеля — тех знаменитых мрачных картин с крестьянами. Как они туда попали, кто их выбрал? Загадка.

Девушка сидела на длинном диване. Дориго она показалась приятной, но и только — бледное личико, оживленное выдающимся прямым носом, маленький рот, круглые удивленные глаза. В ней было что-то свежее, что-то народное, но ничего грубого.

Он смотрел на нее, пытаясь оценить то удовольствие, что она способна вскорости ему доставить. Овал ее лица был чист и красив, хоть и далек от классицизма. Больше всего его поразили ее длинные черные волосы, свободно рассыпавшиеся по плечам. Вокруг рта, когда она принималась говорить, образовывались изящные складочки. Ее губы были тонкими, но четко очерченными; не откровенно чувственными, скорее уж — озорными. Нижняя губа выступала вперед, тем более что ее подбородок казался довольно-таки маленьким, узким и скошенным. И — никакой помады.

Губы, несколько твердые от напряжения; рот маленький на фоне всех остальных черт лица, и все же — привлекающий внимание. Собранный личико, и на нем — ясная печать напряжения молодости. Решительное личико...